

I

Несколько лет тому назад Лев Смирнов писал, раздумывая о путях познания Отчизны:

Стучат мои колеса,
Летят мои дожди...
Прости меня, береза,
Прости и обожди.

И вот пришло время, когда он по-настоящему вернулся к березе, к родной земле, к самому себе. Случилось это в книге «Зимняя молния». Лев Смирнов — поэт обобщающего лирического чувства. Он пишет не о том, что случилось сегодня или случится завтра. Он пишет о том, что случается всегда:

Снова, печальная ночью и днем,
Женщина глаз не смыкает.
В этом ли веке, а может, в ином
Сына с войны поджидает.

В стихах Смирнова история не возникает перед нами в то или иное мгновение, а прокатывается как единое целое, как поток, объединяющий времена и поколения.

Мне сорок лет, и у меня в груди живет свинец.
Сквозь дым бежит навстречу мне мой молодой отец.

И шепчется у всех плетней давно умерший люд,
И слезы матери моей из глаз моих бегут.

Но, однако, в этом потоке времен, чувств и судеб память сердца все-таки различает особую русскую струю, особую родную волну. Это и есть возвращение «к березе», которая наконец-то дождалась своего унесенного ветрами времени, войны и нужды сына, который, вглядываясь в жизнь, предельными усилиями души пытается связать в единое ощущение время и вечность.

За мою спиною разбитый очаг...
Две России, две разные светят в очах.

У одной соловья, и янтарь, и слеза.
У другой — поезда, и свинец, и гроза.

В этом стихотворении — одном из лучших в книге — поэт ухватился за вечную для русской поэзии тему красоты и пользы, добра и свободы, слова и дела.

У одной — бирюза, колыбель и печаль.
У другой — дым, и ветер, и смертная даль.

Я еще не успел задохнуться в дыму...
Две России по силам ли мне одному?

У одной — небосклоны и свет голубой:
У другой эшелоны, и песня, и бой.

Поэзия быта, линии биографической, сиюминутных переживаний мы найдем в творчестве Льва Смирнова. Он старается всегда укрупнить чувство, раздвинуть его в обе стороны — к прошлому и к будущему, в землю и в небо. Быт, «личная лирика» лишь мелкими крупичками входят в его стихи. Ему больше по душе символы, легенды, обобщения. Его интересует не быт, а «быль». Этим в известном смысле его поэзия перекликается со стихами Юрия Кузнецова:

Исковеркал земные глаголы,
Песнопенья листвы и скворца,
Но как равный, вошел в эти доли,
В эти капища, в эти сердца.

У каждого поэта есть какое-то количество любимых слов, которые повторяются в его стихах чаще других. Любимые слова Смирнова — слова плотные, тяжелые, основные. Чаще всего они обозначают какие-либо жизненные стихии. Вот взятые наугад несколько названий его стихов из содержания книги «Зимняя молния»: «Дерево», «Гроза», «Слово», «Камень», «Россия», «Половодье», «Плач», «Звук», «Роща», «Болезнь», «Родник», «Память»... Любит он также слова «звезда», «душа», «тишина», «дорога»... Видно, что человеческую и природную стихию он не разделяет, они живут в его поэзии, перетекая друг в друга, высветливаясь одна в другой... Может быть, пристрастие к главным и весомым словам идет у поэта с тех времен, когда он учился читать не совсем обычным образом:

Как ни странно, но был мне погост букварем,
По которому я терпеливо учился,
И где было темно, там светил фонарем
То ли сторож живой, то ли ангел из гипса.

Вспоминать о минувшем не очень люблю,
Но всегда в моей памяти нищи и голы
Эти «плачу», «вздыхаю», «надеюсь», «скорблю».
Первой грамоты, первых прозрений глаголы.

Эпитафии не терпят многословия...

На этом пути, где поэт словно бы дал клятву говорить только значительные слова, его подстерегают две опасности: опасность ложной многозначительности и веледечивости, возникающие тогда, когда содержания не хватает, чтобы удержать интонацию, и она проваливается. К счастью, таких провалов в книге Смирнова очень немного. Но зато, когда поэт обретает удачу, она всегда настоящая.

Уйду я в Русь,
В родной исток.
На холм взберусь
Изба как стог.

Откроет дверь
Мужик Кондрат.
Не скажет: «Зверь»,
А скажет: «Брат».

В стихотворении четыре строфы, четыре встречи с мужиком Кондратом, четыре разговора, и в каждом разговоре истина. Наша народная правда: «Не скажет: «Черт», а скажет: «Бог». «Не скажет: «Боль», а скажет: «Быль». «Не скажет: «Смерть», а скажет «Жизнь».

II

Название книги Виктора Коротаяева — «Перекаты» — весьма точно выражает его суть. В ней через край переливаются сомнения поэта, его жизнелюбие и его раскаяние, его спор с миром и с самим собой. Но в сердцевине

всех сомнений и страстей — «одна, но пламенная страсть» — дума о родине.

Привет вам, дедовы места!
Проселок, выгон, лесосека...
Но родина уже не та,
Коль нет родного человека.

Уже по этой строфе можно увидеть, насколько поэзия Коротаева отлична от мира Льва Смирнова, сколько в ней конкретного, сегодняшнего, злободневного, биографически лирического. «Перекаты» густо заселены не символами, не тенями, не стихиями, а определенными судьбами и ликами, среди которых мать, жена, сын, друзья, недруги...

Лирический герой книги — воплощение боли и совести за все, что дорого ему, — за любовь, за Родину, за дружбу, за землю. Посмотрите, как по-некрасовски болеет он душой за сегодняшнюю женщину-крестьянку, которая, подовв корову, накормила сначала всех домашних: хозяйина, сына, кошку, собаку — и лишь потом:

Прошлась со вздохом по избе,
К столу присела,
Улыбнулась:
— Ну вроде можно
И себе...

А вот еще со щемящим чувством вины и благодарности о ней же, о русской женщине:

Все шатанья села
Ты осилить сумела,
С плачем превозмогла,
С хрипом преодолела.
Что ж склонилась в пути
Над осенней травой
Ты с повинной почти
Золотой головою?

Настолько связан Коротаев не с какой-то надчеловеческой исторической жизнью, а с сегодняшней, которая на глазах творится, что, может быть, с таким же горьким чувством написать о неурожае, как о бедствии народном, и циника умеет пригвоздить страстным словом, и, когда душа разойдется, то и самого себя не жалеет, что делать, коль попался под горячую руку! Мучается поэт, желая развязать все жизненные узлы, разрешить все вопросы — не завтра и не послезавтра, а сегодня, сейчас, сию минуту, врукопашную хочет пробиться к взаимной любви и к человеческому пониманию, но не всегда это удается нам. Впрочем, такие неудачи тоже неплохо питают лирику — это в традиции русской поэзии:

Устаю от себя самого,
От своих бесконечных вопросов,
От своих постоянных заносов,
Перекосов своих
И прогнозов —
От всего, от всего, от всего
Устаю от себя самого.

В такие минуты упадка духа и воли в стихах Коротаева — вообще-то наполненных жизненной силой — появляется нечто рубцовское — беззащитное, высветленное...

Я не заживусь на этом свете.
Не случайно, кажется, вот-вот
И меня, рванув, осенний ветер
Заодно с листвою унесет...

Строки искренние, но столько в поэте жизни и воли, столько природной цепкости, что каждый раз находит его душа спасение в надежде, которая, что бы ни случилось, самозарождаясь от способности к труду и вере, всегда существует в глубинах народного бытия:

И сердце прощается с летом.
Но — странно — оно не скорбит,
А только на холоде этом
Лишь ярче и жарче горит.

Ему словно самое время
Вступая на новую пядь,
Светло побрататься со всеми
И новую жизнь начинать!

Мудрая наивность, как итог всех метаний и всех сомнений, живет в этих строках Виктора Коротаяева. И есть у него еще одна спасительная гавань, в которой можно укрыться от «бремени страстей человеческих» — способность подшутить над самим собой, над всеми своими «загибами и закидонами», способность к иронии — не к той «провокааторской», — по словам Блока, — иронии Гейне», а к доброй и человеческой самоиронии. Вот как переживает поэт любовную неудачу:

И пойду по берегу неспешно,
Малость подрастроенный, конечно, —
Размышляя вслух и в пустоту:
Как сильны мы в армии и флоте,
Яростны в сраженьи и работе
И почти беспомощны в быту.

Но все же, все же самая главная опора у поэта в творчестве, в жизни, в судьбе и в лирике есть ощущение себя частицей громадной России, громадной народной жизни, частицей всего, что поддерживает его в борьбе и в душевных поисках, что будет с ним пребывать до последнего вздоха. Вот его последний и окончательный ответ циникам, дельцам, ловкачам всех мастей, исповедующим принцип «где хорошо, там и родина»:

А упругую свежесть сада,
Шелест раннего листопада,
Несмирившийся огонь заката,
Ивы тихой седую прядь,
Потемневшие за ночь воды,
Обнесенные синью своды —
Чувство родины и свободы —
Это вы не вольны отнять.

В подобных строчках лучшая — самая высокая и самая чистая часть души поэта.

III

Когда Лев Смирнов учился читать по кладбищенским этипафиям, Валентин Устинов только-только родился. Он дитя послевоенной разрухи, воспитанник детдома, не успевший напитать душу родительской лаской и теплом, столь нужным человеку на протяжении всей его жизни.

Когда отец погиб за Красным Камнем,
а мачеха глотнула мышьяку —
я словно в сумрак одинокий канул.

Лишь помню сборы, баржу и реку,
каких-то женщин с тощими мешками,
парней с гармошкой, девок со смешками,
какой-то гвалт ночной на пристанях,
кого-то били, псы в потемках выли...
Полузнакомый дядька утром вывел
по хлипким сходям на берег меня.
И показал: — Все прямо... Большаком...
А там уж встретят, если не забыли... —
И я пошел по родине пешком.

Как это похоже на рубцовское детство, на детство многих родившихся и до войны, и во время войны, похоже, потому что невзгод и лишений и тем и другим пришлось хлебнуть вдоволь. А кто спасал, обогревал и выхаживал нас? Да все то же добро и милосердие, живущее в народе, все те же русские женщины, о которых с такой благодарностью пишет Виктор Коротаяев. В эту бездонную чашу благодарности вносит свою лепту и память Валентина Устинова:

Судьба над ней стенала, голосила,
но в каплях пота, как в слезах росы,
она косила, милая, косила, —
беспаспортная женщина Руси.
И, обживая сонный сеновал,
я слушал ветра смутные рыдания
и, от любви страдая, тосковал.
Но из страданья зрело состраданье.

Именно главному — размышлениям о том, как в душе созревает состраданье, поиску широкого пути к людям и к родине, пути спасающему от одиночества и сиротства, — посвящена книга поэм Валентина Устинова «Большак».

Нелегкое казенное детство воспитывает в человеке жестокость, самостоятельность, волю, частенько за счет других свойств — добра, милосердия, нежности. О чем бы ни писал Устинов в своих поэмах — о тяжести рыбацкой путины, о воинской службе, о спорах со своим ровесником-немцем, — надо всем и превыше всего он ставит вопросы: что такое долг? Что такое добро? Что такое совесть? Устинов — мастер. Он может изобразить движение жизни, написать пейзаж, сенокос, женщину, осень — слово слушается его, и однако он в книге «Большак», если говорить о главном, выступает как человек, ищущий ответы на коренные вопросы жизни, как страстный моралист и проповедник:

Вся сила жизни — в истинах простых.
Любовь и долг. Добро и чувство долга.
Любовь и стыд. Добро и жгучий стыд
За то, что мог, да не сумел быть добрым.

Конечно, все эти вопросы берут свой исток в детдомовском детстве, во времени сиротства и тягот, когда душа, ранимая и болезненная, отодвигая все другие мысли и впечатления бытия, задумалась над главным: что же такое добро?.. И вот через тридцать лет он отвечает сам себе уже с высоты зрелого человеческого опыта:

Жестокий выбор — вот что доброты.

Может быть, кому-то такая формулировка покажется чересчур упрощенной, чересчур категоричной и агрессивной. Но жизненный опыт автора, вложенный в книгу «Большак», говорит о том, что поэт имеет право на подобный вывод прежде всего потому, что он ставит и себя, и своих героев в такие реальные жизненные ситуации, что иное толкование доброты будет для них фальшивым и бесплодным.

Вспомним его разговор с молодым немцем из поэмы «Письмо в Нойбранденбург», разговор о мере и характере ответственности, лежащей на них, чьи отцы воевали друг с другом, и оба лежат не где-нибудь, а в русской земле: один — ее защитник, другой — ее неудачливый порабититель; вспомним разговор лирического героя со своей любимой, которая, жалея его, пытается увести от крупной и беспокойной судьбы, от большака на узкую тропинку личного счастья; вспомним, как в поэме «Путина» рыбаки, чтобы не замерзнуть во время снежной бури, вынуждены сбросить с себя мокрую одежду, превращающуюся в ледяные скафандры, и прижаться друг к другу телами, обогревая друг друга... Итак, добро — это выбор, который под силу тому, кто может выбирать. Добро как результат личной воли. Вот какое добро проповедует Валентин Устинов. Добро как выполнение человеческого долга.

Есть лишь одна сцена в книге Устинова, которая несколько выбивается из этой концепции...

Воинская часть проводит ученье. Она выполняет свое задание. Лирический герой понимает, что тишиной и миром Земля обязана поколению, которое сейчас хранит тишину и мир. Совершенствуя военное мастерство, солдаты проводят маневры. И вдруг движение их колонны, рассчитанное по минутам, нарушается. Шоссе переходит слепой человек, потерявший глаза на прошлой войне:

Шел — осторожно осязая пыль.
Шел — из пустых глазниц война кричала.
И вскинутая палочка торчала
Над головой — как раненая быль.
Как перст судьбы...

И это столкновение, нарушающее железный ход воинских учений, порождает массу вопросов, на которые целиком книга «Большак» ответить не в силах и на которые поэту Валентину Устинову, видимо, придется отвечать всю жизнь...

Три поэта. Три судьбы. Три мира, к сожалению, мало замечаемые нашей критикой.

ЛЕВ СМИРНОВ

Родился в 1928 году в Калининне. Детство прошло в Карелии. Окончил Московский юридический институт. Автор книг стихов «Земной непокой», «Лепта», «Третья даль», «Автобус в марте», «Зимняя молния».

РОДИНА

Тихо склонясь над моей колыбелью,
Родина мне нашептала слова...
В отчем дому и под зимней метелью
Кругом идет с той поры голова.

Рос я, дружил и с ручьем и с травой,
На крутосклонах встречал журавлей.
Так породнился с землей золотою,
Что и не думал порою о ней.